

DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.036

УДК 327

В.И. БУЛВА

кандидат исторических наук,

сотрудник МИД России,

Россия, г. Москва

E-mail: va.i.bulva@my.mgimo.ru

ИНСТИТУТЫ СЕТЕВОЙ ДИПЛОМАТИИ И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Существует несколько трактовок концепта «глобального управления» в зависимости от механизмов, обеспечивающих его функционирование, а именно межгосударственного сотрудничества, институционального и неинституционализованного формата взаимодействия. Сегодня глобальное управление осуществляется с опорой на все три вышеупомянутые механизмы. При этом особое значение представляют институты многосторонней дипломатии как инклюзивные площадки для диалога, позволяющие сохранить многоликость мира, его политическое, экономическое и культурно-цивилизационное многообразие.

В статье анализируется роль одного из элементов многосторонней дипломатии – сетевой дипломатии – в укреплении глобального управления. Сетевые институты рассматриваются автором в качестве вспомогательного инструмента международного сотрудничества, ориентированного на согласование интересов различных сторон и координации их подходов в отношении различных глобальных процессов. В исследовании делается акцент на преимуществе использования потенциала сетевой дипломатии в современных международных отношениях благодаря гибкости формата, позволяющего привлекать широкий круг государств-единомышленников (на правах как полноправных членов, так и внешних партнеров) и неправительственных игроков.

Создаваемые, как правило, в период внешних шоков (энергетических, финансово-экономических кризисов) институты сетевой дипломатии («Группа семи», «Группа двадцати», БРИКС) со временем трансформируются из механизмов антикризисного урегулирования в полноценные инструменты глобального управления. Данные институты начинают использоваться не только для поддержания контактов государств по отдельным вопросам, но и для повышения их роли в формировании и реализации международной повестки. Повышается роль «Группы двадцати» и БРИКС благодаря их широкому охвату, обеспеченному благодаря участию развивающихся государств – новых политических и экономических центров силы.

Ключевые слова: глобальное управление, сетевая дипломатия, «Группа семи», «Группа двадцати», БРИКС, многополярный мир.

Введение. Сегодня в условиях глобализации возрастает взаимосвязь между государствами и регионами мира, фактор пространственной удаленности уходит на второй план. Одним из следствий данной тенденции становится повышение уязвимости стран перед угрозами безопасности, приобретающих многоаспектный характер на фоне секьюритизации международных отношений [12]. Кроме того, диверсификация субъектов мировой политики приводит к хаотизации системы международных отношений, а постоянное изменение глобальной конъюнктуры и расстановка сил на международной арене – к высокому уровню неопределенности и снижению потенциала управляемости глобальными процессами. С учетом этих факторов увеличивается запрос на глобальное управление, ориентированное на сдерживание нежелательных кризисов и управление глобальными процессами.

Как отмечали Т. Вайс и Р. Такур – авторы концепции «глобального управления», с помощью глобального управления определяются взаимные интересы государств, формируются механизмы для их продвижения, а также вырабатывается комплекс норм, принципов и обязательств с целью регулирования и координации определенных глобальных процессов [15. С. 30-31]. Сегодня основной предпосылкой укрепления глобального управления выступает многополярность. Учитывая актуальность проблематики формирования многополярного мира в странах мирового большинства, в т.ч. России, автору статьи представляется целесообразным изучить перспективы использования потенциала сетевой дипломатии в рамках глобального управления для достижения данной цели.

Глобальной управление и сетевая дипломатия. Существует несколько подходов к концептуализации феномена «глобального управления». Изначально данный концепт получил развитие в западной науке. После отказа от утопической идеи формирования глобального правительства акцент был сделан на традиционном межгосударственном сотрудничестве, что подчеркивало центральную роль государств в мировой политике. Позже был выделен институциональный формат управления на базе укрепления действующих и при необходимости создания новых институтов. Отдельные исследователи (Дж. Най [14] и Р. Кохейн [13]) рассматривали глобальное управление через призму неинституционализированного механизма, на основе глобального доминирования (одностороннего или с опорой на консенсус ближайших союзников). Такая концепция созвучна теории «плюралистической однополярности» отечественного исследователя А.Д. Богатурова, центральной идеей которой выступает установление гегемонии США с опорой на союзников по «Группе семи» [1. С. 285].

Однако ни одна из данных моделей не учитывают специфику современной архитектуры миропорядка – полицентричность, многообразие участников и форм международного сотрудничества. В этой связи, оптимальная модель глобального управления должна носить многоуровневый характер, который бы отражал субъектную структуры мировой политики, а именно открывал бы возможности для участия государствам, представителям бизнеса, неправительственных организаций, гражданского общества и научно-академического

сообщества. При этом особенность российского подхода состоит в том, что в такой модели ключевые позиции должны быть сохранены за государствами, представляющими заключительную инстанцию при принятии решений по международным вопросам.

Взаимодействие между основными участниками в рамках глобального управления выстраивается через многоступенчатую и многоуровневую систему взаимодействия. Сохраняется важность классической дипломатической практики на уровне высшего руководства и профессиональных дипломатов государств. В многополярном миропорядке особое место занимает многостороннее сотрудничество. Значимую роль в международных отношениях призваны играть международные межправительственные организации, в первую очередь, единственная универсальная площадка – Организация Объединенных Наций. Однако в текущих реалиях беспрецедентного давления на ООН требуется восстановление роли данной структуры, реформирование ее органов и институтов с учетом новой расстановки сил на международной арене. Что касается региональных организаций, то они, скорее, имеют вспомогательное значения в контексте укрепления глобального управления в силу своего географического охвата.

На современном этапе импульс к развитию получают смешанные механизмы международного сотрудничества – институты сетевой дипломатии. В отличие от межгосударственного взаимодействия и традиционных формализованных международных организаций, им свойственно отсутствие жесткой иерархии и гибкость в принятии решений [7]. Они позволяют поддерживать диалог между странами-участницами, а также привлекать к секторальному сотрудничеству другие заинтересованные государства в статусе внешних партнеров. Более того, сетевые институты служат для координации усилий государств с неправительственными игроками, что оптимизирует поиск решения глобальных проблем с опорой на знания, навыки и компетенции последних. Безусловное преимущество сетевой дипломатии представляет гибкость, что повышает оперативность реагирования на угрозы в сфере безопасности, в т.ч. новые вызовы и угрозы [3. С. 121].

Вместе с тем, у данного механизма есть и обратная сторона медали – более низкий уровень согласования решений приводит к снижению возможностей контроля за их имплементацией. Деятельность институтов сетевой дипломатии построена на принятии заявлений, меморандумов, деклараций и иных документов рекомендательного характера. Поэтому данные институты могут рассматриваться как вспомогательный инструмент, но не подмена классических инструментов глобального управления.

Ключевое значение в глобальном управлении среди институтов сетевой дипломатии имеют глобальные площадки – «Группа семи», «Группа двадцати», БРИКС. В качестве вспомогательных механизмов функционируют региональные структуры, причем как на отдельные направления (экономика – АТЭС), так и в рамках многопрофильного сотрудничества (диалоговые партнерства АСЕАН).

Тем самым они оказывают влияние на региональный компонент глобального управления.

Сетевой принцип взаимодействия лежит в основе работы диалоговых структур и площадок, основная миссия которых состоит в объединении вокруг единой повестки различных заинтересованных сторон (государств и неправительственных субъектов) в т.ч. осуществляющих международную деятельность. При этом диалоговые структуры не только выполняют функции координаторов и операторов глобальных и региональных мероприятий, но и могут представлять полноценные институты развития, а их системная работа выступает в качестве подспорья при реализации официального внешнеполитического курса государства [9. С. 127].

Становление сетевой дипломатии в Российской Федерации связано с подключением в 1990-х гг. к работе «Группы семи» и последующее вхождение в ее состав в качестве полноправного члена. Этот шаг рассматривался как мера по наращиванию связи с западным миром и соответствовал общему российскому внешнеполитическому курсу по интеграции в западные институты. В 1999 г. Россия стала одной из участниц встреч на уровне министров финансов и глав центральных банков «Группы двадцати». Однако вплоть до середины 2000-х гг. форматы сетевого взаимодействия имели второстепенное значение в отечественной внешней политике и дипломатии.

Переосмысление значимости сетевой дипломатии в России происходит в 2006–2008 гг. на фоне различных проявлений несостоятельности однополярного мира [4], а в дальнейшем – под влиянием глобального экономического кризиса, который продемонстрировал несоответствие валютно-финансовой архитектуры современным реалиям. На этой волне завершается оформление БРИКС и активизируется работа «Группы двадцати». Обе площадки объединяют государства (участников и внешних партнеров) развивающегося мира, в т.ч. новые экономические и политические центры силы. Глобальный географический охват данных структур позволяет говорить об их важности в планетарном масштабе.

Глобальные институты сетевой дипломатии. Исторически первый институт сетевой дипломатии, объединивший на тот момент государства западного лагеря, представляет «Группа семи». Данный межправительственный политико-экономический форум в составе пяти государств (Великобритания, Западная Германия, США, Франция и Япония) был учрежден в 1973 г., когда прошла специальная встреча министров финансов. В 1975 г. в Группу была приглашена Италия, а в 1976 г. – Канада, после чего за структурой закрепилось название «Группы семи». Помимо стран, в саммитах принимает участие представители Европейского союза (до 1992 г. – Европейского экономического сообщества), что подчеркивает сетевой принцип работы данной площадки.

Идея о формировании подобного форума была озвучена в марте 1973 г. на неофициальной встрече министров финансов Великобритании, Западной Германии, США и Франции в библиотеке Белого дома, т.е. до начала войны Судного дня и «нефтяного шока». Несмотря на это, именно энергетический

кризис послужил дополнительным импульсом завершения организационного оформления «Группы пяти/семи».

В 1975-1976 гг. ключевыми сюжетами на саммитах «Группы семи» оставалась проблема преодоления последствий нефтяного шока и реализация долгосрочных мер по обеспечению энергетической безопасности стран-участниц. Параллельно с этим затрагивались вопросы макроэкономического характера, которые до 1980-х гг. определяли повестку Группы. Во второй половине 1980-х гг. впервые в круг затрагиваемых проблем вошли аспекты, связанные с поддержанием международной безопасности и урегулированием конфликтов. Как и в 1970-х гг. толчком перехода к новому этапу в развитии «Группы семи» послужили события на Ближнем Востоке, а именно – война между Ираном и Ираком и конфликт в Афганистане. С тех пор начинает постепенно расширяться содержательная часть повестки данного института – в 1990-х гг. в нее войдет проблематика новых вызовов и угроз, в первую очередь, противодействие террористической угрозе [11].

С точки зрения влияния на глобальные процессы, в эпоху холодной войны «Группа семи» играла роль вспомогательного инструмента по консолидации усилий стран западного лагеря во главе с США с целью укрепления координации позиций сторон. Существенно трансформируется значение института после распада Советского союза и роспуска социалистического лагеря, повлекших за собой окончание биполярного противостояния. В 1990-х гг. «Группа семи» превращается в центральный элемент американской концепции *Rax Americana* или плюралистической однополярности, предполагающей установление американской гегемонии с опорой на союзников из государств «семерки» [2. С. 13].

Благоприятно для реализации данного курса складывается и политика Российской Федерации, ориентированная на интеграцию в западные институты, включая «Группу семи». Даже после существенной корректировки российского внешнеполитического курса на основе национальных интересов Е.М. Примаковым, занявшим пост Министра иностранных дел России в 1996 г., Российская Федерация не отказывается от наращивания связей с Западом, в т.ч. через механизм «Группы семи». Меняется только подход к сотрудничеству с Евро-Атлантическим регионом: переход от принципа кондициональности (интеграция России в западные институты в обмен на демократические и экономические преобразования в России по западному образцу) и роли «младшего партнера» к стратегии избирательного партнерства на основе равноправия и взаимного учета интересов.

Ухудшение отношений России и западных государств после 2014 г. приводят к приостановке российского участия в «Группе восьми», снова трансформировавшейся в механизм «семерки». Более того, такой формат перестал отражать реалии существующего миропорядка. Он был ориентирован на повышение роли в формировании глобальной повестки стран «золотого миллиарда» (развитых государств), игнорируя других усиливающихся государств развивающегося

мира. К тому моменту стали укрепляться иные площадки, основанные на принципе сетевого взаимодействия – «Группа двадцати» и БРИКС.

«Группа двадцати» первоначально создавалась в 1999 г. как инструмент антикризисного регулирования с целью противодействия распространению Азиатского финансового кризиса и смягчения последствий после него, причем главным инициатором учреждения механизма были государства «семерки». Схожесть с «Группой восьми» проявлялась не только в сетевом характере организации работы структуры, но и в первостепенном значении экономического вектора на первом этапе. Главной формой взаимодействия в рамках Группы были встречи министров финансов и глав центральных банков. После преодоления финансового кризиса 1997-1998 гг. в повестку стали включаться вопросы макроэкономической координации, сотрудничества в сфере торговли, энергетики, устойчивого развития, что напоминало сценарий развития «Группы семи» в 1975-1985 гг.

При этом вплоть до 2008 г. «Группа двадцати» не играла заметной роли в контексте глобального управления. Попытки инициировать реформу МВФ и Группы Всемирного банка не увенчались успехом, а сама Группа больше напоминала форум для обмена мнениями. Организационно-институциональной трансформации данной площадки способствовала вспышка глобального экономического кризиса 2008 г. [5]. Реакцией на кризис стал созыв первых саммитов политических лидеров в формате «двадцатки», причем в 2009 и 2010 гг. они проходили два раз в год.

Ключевой задачей «Группы двадцати» стала предварительное согласование и подготовка реформы Бреттон-Вудской финансовой архитектуры миропорядка, которая бы обеспечивала более высокий уровень репрезентативности развивающихся государств, уход от монополии США в процессе принятия решений. К 2010 г. были пересмотрены квоты развивающихся стран и государств с переходной экономикой во Всемирном банке (увеличены на 3,13% до 47,19%), а на саммите в Сеуле, с учетом согласованной в 2008 г. формулы расчета квот, было принято решение об увеличении общего размера квот МВФ и перераспределении 6% квот в пользу данных стран [8].

Россия входила в состав «Группы двадцати» с момента запуска данного формата на министерском уровне. Особое значение для Российской Федерации представлял год российского председательства в Группе – 2013 год. Этот период показал, что несмотря на акцент на экономической составляющей в работе Группы, все большую роль начинают играть другие проблемы – в сфере политики и безопасности, энергетики, гуманитарного сотрудничества, цифрового развития и т.д.. В частности, впервые «на полях» саммита в Санкт-Петербурге прошла серия встреч по сирийской проблематике. Примечательно, что сетевой подход к деятельности Группы позволил привлечь к диалогу не только стран-участниц, но и Специального представителя ООН и Лиги арабских государств по Сирии. Переговоры между сторонами не позволили урегулировать весь комплекс противоречий, однако способствовали признанию необходимости

активизации усилий, направленных на разрешение конфликта в Сирии в соответствии с Женевским коммюнике от 2012 г.

Потенциал сетевой дипломатии широко используется в «Группе двадцати» для поддержания диалога с неправительственными игроками – «аутрич-партнерами» в рамках структурированных механизмов на уровне экспертного сообщества, гражданского общества, бизнеса, профсоюзов и молодежи [6]. Кроме того, социальные партнеры могут участвовать в качестве наблюдателей на заседаниях Рабочих групп и встречах шерп.

Сегодня повестка «Группы двадцати» всеобъемлющая, однако по-прежнему превалирует экономический трек. Именно поэтому данную площадку можно рассматривать как важный инструмент поиска балансов интересов государств в области укрепления финансовой и экономической архитектуры миропорядка. Сдерживающим фактором в данной связи выступает участие государств, между которыми сохраняются разногласия в политической сфере (Россия – западные страны) и не совпадают взгляды в отношении практических вопросов (США как сторонники усиления протекционизма, укрепление доллара vs Россия, Китай, развивающиеся и некоторые европейские страны (2), поддерживающие курс на либерализацию мировой торговли, валютного режима).

Платформой, которая создавалась в 2006 г. в условиях осознания кризиса однополярной модели, выступает БРИК (с 2011 г. – БРИКС). Если в «Группе семи» и «Группе двадцати» на момент учреждения во главу угла ставились вопросы реагирования на энергетический/финансовый кризисы и проблемы экономики, то в БРИК(С) повестка изначально включала как экономический, так и политический, гуманитарный трек и различные аспекты безопасности. Данная площадка объединяла государств-единомышленников с целью усиления координации по разным темам международных отношений и содействия повышению их политического влияния в международных делах [10. С. 10].

Организационное оформление четырехстороннего формата (Бразилия, Россия, Индия, Китай) началось в 2006 г., когда четыре государства провели встречу на уровне министров иностранных дел (Бразилии, России и Китая) и обороны (Индии) «на полях» Генеральной Ассамблеи ООН, а в 2008 г. прошел полноформатный саммит глав МИД. Объединяющим фактором для стран служила приверженность незыблемости центральной роли ООН в международных отношениях и необходимости наращивания многостороннего сотрудничества на основе взаимного уважения и равноправия, а не с целью сдерживания других государств.

Площадка БРИКС рассматривалась участниками как инструмент укрепления основ многополярного мира путем повышения значимости и удельного политического веса (включая представленность в ключевых глобальных институтах) развивающихся стран, а также как механизм продвижения реформы Бреттон-Вудской институциональной архитектуры. Во втором случае государства БРИК(С) тесно взаимодействовали с «Группой двадцати», участниками которой они являлись. Предпринимаются попытки создания собственной валютной

инфраструктуры – Пул валютных резервов, Новый банк развития. Такая миссия БРИКС привлекала интерес со стороны экономических и политических лидеров отдельных регионов и иные страны развивающегося мира. В 2011 г. в результате первого расширения в состав БРИК вошла Южно-Африканская Республика (с тех пор БРИК получил название БРИКС), а в 2023 г. принято решение о полноправном членстве Аргентины (3), Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии (1), Эфиопии.

С течением времени, как в «Группе семи» и «Группе двадцати», повестка БРИКС претерпевала изменения. Однако в отличие от двух данных структур в БРИКС изначально она была всеобъемлющей, не ограничивалась экономическим вектором. Ее расширение скорее отражало тенденции (формирование многополярного миропорядка и вытекающая из этого необходимость наращивания связей со странами развивающегося мира, цифровизация, обострение новых вызовов и угроз) или была реакцией на события и кризисы (глобальный экономический кризис 2008-2010 гг., пандемия COVID-19). При этом ключевым принципом работы БРИКС неизменно оставалось уважение культурно-цивилизационного многообразия и самобытности государств-наций.

Помимо этого, БРИКС поддерживает связи с развивающимся миром через форматы «БРИКС-аутрич» и «БРИКС+». Механизм «аутрич» предполагает привлечение региональных партнеров государства-председателя, что позволяет повысить статус соответствующей страны в своем регионе и служит дополнительным каналом сотрудничества с ближайшими союзниками. Он был впервые апробирован в 2013 г., когда к саммиту БРИКС присоединились представители Африканского союза и еще восьми интеграционных структур региона. В 2017 г. Китай инициировал запуск формата «БРИКС+», которые допускал приглашение на саммит и внерегиональных заинтересованных сторон (государств или многосторонних структур).

Не менее активно возможности сетевой дипломатии используются в БРИКС для выстраивания диалога с неправительственными игроками. В частности, проводятся специализированные форумы (Форум руководителей СМИ, Академический, Гражданский, Профсоюзный форумы) и другие мероприятия (Молодежный саммит, Глобальный университетский форум, заседание Делового совета и др.). Кроме того, представители бизнеса, научно-академического сообщества и неправительственных организаций принимают участие в работе экспертных центров, контактных и рабочих групп по многочисленным тематическим направлениям, охватывающим сферы экономики, гуманитарного сотрудничества и безопасности.

Таким образом, институты сетевой дипломатии играют важную роль в глобальном управлении, создавая возможности для участия всех заинтересованных государств и неправительственных игроков в поиске решений международных проблем. Они не могут заменить традиционное межгосударственное взаимодействие и международные межправительственные организации, однако служат весомым «подспорьем» классической дипломатии.

Сегодня соперничающими сетевыми структурами воспринимаются «Группа семи» и БРИКС. «Группа семи» ограничена по составу государствами «золотого миллиарда», в то время как БРИКС ориентирована на максимально инклюзивное сотрудничество с развивающимся миром. Более того, «семерка» уступает и по экономическим показателям: по данным МВФ на 2022 г., ВВП «Группы семи» – 30,35% мирового ВВП), а БРИКС – 31,53%, а с учетом новых членов – 36,33%.

Более того, по характеру своей деятельности «Группа семи» более напоминает блоковые структуры, ориентированные на сдерживание других государств, а ее работа основана на принципе универсализации западных ценностей. Поэтому интерес к БРИКС со стороны России обусловлен не только сложными отношениями с Западом, не позволяющими полноценно участвовать в формате «семерки», но и в значительном потенциале БРИКС в продвижении культурного и политического многообразия, равноправного экономического сотрудничества – основ формирующегося многополярного мира. При этом в экономической области БРИКС дополняет усилия «Группы двадцати», выступая в качестве площадки для координации позиций пяти стран-участниц Группы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Не завершила процесс присоединения.
- (2) По политическим мотивам официально чаще выступают в поддержку инициатив США.
- (3) После прихода к власти в Аргентине ноябре 2023 г. нового президента Хавьера Милея, глава государства исключил участие Аргентины в БРИКС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Богатуров А.Д.** Плюралистическая однополярность / Очерки теории и политического анализа международных отношений. Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002.
2. **Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К.** Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. № 2.
3. **Бурганова И.Н.** Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // МНИЖ. 2016. № 6-1 (48).
4. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 2007 год // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
5. **Группа восьми и Группа двадцати: эволюция, роль и документация / И. ван Питер Хайнал; пер. с англ. О.А. Якименко; под науч. ред. Е.М. Горбуновой. М.: Логос, 2008.**
6. **Кортунов А.В.** Год председательства России в «Группе двадцати» был удачным // РСМД. 2013 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/god-predsedatelstva-rossii-v-gruppe-dvadsati-byi-udachnym/>.

7. **Лебедева О.В., Морозов В.М., Шебалина Е.О.** Network Diplomacy: Theory // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 11 (85).
8. Пресс-конференция по итогам саммита «Группы двадцати». 2010 год // Официальный сайт Президента России // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/8182.
9. **Столков Д.С.** Дипломатия диалоговых структур и площадок: Фонд Росконгресс // Международная жизнь. 2023. № 11.
10. **Шелепов А.В.** БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10 (4).
11. All G7/8 Commitments, 1975-2012 // G8 Research Group. 2012 // http://www.g7.utoronto.ca/evaluations/G8_commitments-to-2012.pdf.
12. **Buzan B., Wæver O., De Wilde J.** Security: a new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers. 1998.
13. **Keohane R.** After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984.
14. **Nye J.** The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press. 2002.
15. **Weiss Th., Thakur R.** The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects. University of Indiana Press, 2003.

V.I. BULVA

Ph.D. (History), employee,
Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

INSTITUTES OF NETWORK DIPLOMACY AND GLOBAL GOVERNANCE IN A MULTIPOLAR WORLD

There are several interpretations of the concept of «global governance» depending on the mechanisms that ensure its functioning, namely interstate cooperation, institutional and non-institutionalized formats of interaction. Today, global governance is carried out based on all three of the above-mentioned mechanisms. At the same time, institutions of multilateral diplomacy enjoy particular importance as they represent inclusive platforms for dialogue that make it possible to preserve the political, economic, cultural and civilizational diversity of the world.

The article analyzes the role of one of the elements of multilateral diplomacy – network diplomacy – in strengthening global governance. Network institutions are considered by the author as an auxiliary tool for international cooperation, aimed at reconciling the interests of various parties and coordinating their approaches in relation to various global processes. The study focuses on the flexibility of network formats. This factor facilitates the participation of

like-minded states (both as full members and as external partners) and non-governmental actors.

Boosted by external shocks (energy, financial and economic crises), network diplomacy institutions (G7, G20, BRICS) over time transform from anti-crisis resolution mechanisms into full-fledged instruments of global governance. These institutions are beginning to be used not only to maintain contacts between states on specific issues, but also to increase their role in forming and implementing the international agenda. The role of the G20 and BRICS is increasing due to their wide geographic coverage, ensured through the participation of developing states – new political and economic centers of power.

Key words: *global governance, network diplomacy, G7, G20, BRICS, multipolar world.*